СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИК. 1946—1967

1946 7
1947 36
1948 74
1949 117
1950 142
1951 165
1952 192
1953 222
1954 249
1955 281
1956 326
1957 353
1958 374
1959 381
1960 385
1961 388
1962 393
1963 396
1964 401
1965 404
1966 406
1967 410

ПРИЛОЖЕНИЕ

За пятнадцать лет 413

Комментарии 449
Указатель имен 507

ДНЕВНИК
1946—1967

1946

1 января. Встречали Новый год — Евгения Павловна, девочки и я. «Это самая счастливая встреча Нового года в моей жизни», — сказала Евгения Павловна. Девочки сияли, была счастлива и я, глядя на их счастье. А счастье, конечно, огромное. Уцелеть всем в этой восьмилетней катастрофе, найти девочек здоровыми, чистыми, как горный хрусталь, хорошенькими, хорошими. И самой не опуститься, сохранить бодрость духа. Как тут не быть счастливой.

Мы соорудили встречу: я получила как-то прескверную водку «Красный дубняк», мы налили пол-литра сиропа, черничного сиропа, и получилось что-то вроде наливки. Из тех крох, что у меня были, Е.П. соорудила очень вкусный ужин, были сыты и счастливы. Кроме тостов с пожеланием друг другу счастья, возможности Е.П. жить в Ленинграде мы выпили за Россию, чтоб ей стало полегче, несчастной.

Е.П. съездила в Лугу, ни жить, ни работать негде, направили ее в Толмачево в лесосовхоз. Вернулась сюда, отправилась с детьми в главное управление милиции — отказ прописать здесь. В областном управлении милиции сказали, что она может искать работы и ближе, чем Луга, и затем хлопотать о разрешении там проживать. Я не могу об этом ни думать, ни писать.

5 января. Евгения Павловна на днях уехала и сегодня утром вернулась. В лесопромхозе работа, говорят, кошмарная, норму не выработать. Туда направляют и освобожденных, как Е.П., и демобилизованных, наших защитников. Что делать, где хлопотать, к кому обращаться? У меня никаких высоких связей нет.

Судили немцев, по-видимому, первых попавшихся, «стрелочников». Ольга Андреевна была на одном заседании суда, рассказывает, что одиннадцать мальчишек, простых солдат, с дегенеративными лицами. И ходят слухи, что их уже повесили где-то на Выборгской стороне, на площади, всенародно, и они будто висят три дня[1]. Это говорили шедшие за Галей девочки из ремесленного училища, говорили и хохотали.

Это великая победившая страна!

Я à bout de forces[2]. Сил больше нет работать. Нет энергии, подъема.

17 января. Евгения Павловна, уехавшая в Лугу 10-го, вчера вернулась. В Луге ее не прописывают, работы не дают, направили в Толмачево. Есть место кастелянши в детском доме. Посмотрели паспорт, — нельзя. Единственное, куда могли взять, на речной транспорт, лесопильню, таскать бревна. При болезни почек. Волчий паспорт. Она измучена, лица на ней нет. Ни денег, ни карточки. Ютилась эти дни кое-где, не спала, почти ничего не ела.

У меня за эти три недели было на руках 3069 рублей. Отдала 1500 долга. Остальное прожили, осталось 70 рублей. Как будем дальше, не знаю.

В начале января я позвонила Наталье Васильевне, поздравила. Мы с ней совсем перестали видеться. Из того, что она мне рассказала, мне вполне стало понятно, почему она так замкнулась в себе.

Ее жизнь невыносима. Митя груб, как последний пьяный мужик. (Я хотела сказать — хам, и усовестилась, вспомнив деликатность Хама.) Он бил ее, по лицу, по рукам, он бьет Надю, избил старуху Ольгу Романовну. Наталья Васильевна ходила вся в синяках и наконец рассказала об этом Никите. Тот пришел в ярость и избил Митю «по морде» так, что тот испугался. Теперь больше не дает воли рукам, но изливает свою грубость словесно. А Наталья Васильевна нянчит внучку, т.к. девочка совсем беспризорна. Надя прошла на конкурсе исполнителей все туры, получила в Москве 8000 премии, занята в консерватории и Мариинском театре, ей не до ребенка. Я думаю, что она скоро Митю бросит.

Наталья Васильевна говорит, что Митя производит на нее впечатление ненормального человека. Как-то при мне прошлой зимой он вышел и говорит Н.В.: «Я у тебя взял лампочку». — «А с чем же я останусь, мне же необходима лампочка у постели, я вечером пишу». — «Меня это не касается, мне надо». Мы вошли в его комнату. У него уже горели три лампочки.

17 января. Получила письмо от Лели с описанием смерти и болезни Алексея Валерьяновича. Это совершенно ужасно. Хочется кричать. Человек проработал все годы революции, работал добросовестно, я видела это в Глухове. И чтобы его, одинокого, разбитого параличом человека, приняли в больницу, надо было его *подбросить*, оставить одного. И каков же был уход, что весь он был в пролежнях.

Вот она, Сталинская конституция: право на труд, на отдых — ложь. Господи, когда же начнется возмездие? У нас есть только право на рабство.

Я не могу, я готова скрежетать зубами от бессильной злобы, бессильного возмущения.

18 января.

Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надобно просить.

Да, бедный Алексей Валерьянович, мне кажется, очень легко воспринимал жизнь. И такая мучительная смерть.

31 января. Я часто хожу из училища пешком. С Михайловской площади иду по Садовой, мимо Инженерного замка, и по Пантелеймоновской для того, чтобы полюбоваться на замок, площадь, Летний сад. Деревья в инее на фоне замка так легки. Это, пожалуй, сейчас единственное, что доставляет мне радость. И утренняя молитва. А все остальное время я чувствую себя усталой, старой клячей, запряженной в непосильную ношу.

Я очень хорошо понимаю, что скверно так думать, надо Бога благодарить, что есть работа и что я могу справляться с такими большими расходами. И немножко в душе обидно, что я трачу такие большие деньги и не могу помочь Васе, которому сейчас так трудно, когда на его руках и бабушка.

Наталья Васильевна талантливая женщина, с могущими быть благими порывами, но она не Человек с большой буквы. Старчаковы с Толстыми были гораздо ближе, чем со мной. Стряслось горе. И А.Н. и Н.В. отвернулись от них совсем и сразу. Вернулась Евгения Павловна, я сказала об этом по телефону Наталье Васильевне, и ничего. Ни сама не пришла, не позвала, не проявила никакого интереса. С приезда девочек она ни разу у меня не была.

У Евгении Павловны до ареста было очень много книг А.Н. с автографами, они были положены отдельно. После ареста А.О. все эти книги *пропали*. Как это произошло, она не заметила, шкафа она не закрывала. Когда она хватилась, ни одной книги с надписью Алексея Николаевича Старчакову не оказалось. У них была молоденькая домработница Валя. На вопрос Евгении Павловны она ответила, что не видела их. Е.П. целые дни была на работе — очевидно, Толстые (тогда была уже Людмила) заплатили этой Вале за уничтожение или похищение книг.

Где же гражданское мужество нашей интеллигенции?

8 февраля. Лекторий горкома ВКП(б) организует цикл лекций «Воспитание детей».

1. Воспитание в школе и семье — важнейшая государственная задача.
2. Авторитет родителей у ребенка.
3. Семейные отношения и их влияние на воспитание детей.

4. Воспитание характера ребенка в семье.

5. Вежливость и хорошие манеры как необходимые качества советского школьника.

6. Физическое воспитание детей в семье.

7. Поощрения и наказания детей в семейном воспитании.

Лекции читают: доктор педагогических наук Ананьин, кандидат педагогических наук Раскин, Додон, Люблинская, Невский!!! Стоимость абонемента 20 рублей.

Когда же мы увидим всех, кто этого заслуживает, на скамье подсудимых?

Читая Нюрнбергский процесс[3], я так живо себе представляю тот будущий процесс, причем предъявленные обвинения будут приблизительно те же. Но истязуемые — свой народ, родной.

Сейчас невероятная шумиха с выборами. Причем глупо и позорно до последней степени. При чем тут *выборы*, когда выбирать-то не приходится? В нашем районе даны нам Тихонов Н.С. и в Совет национальностей Калинин. Черняк, приятельница Рашевской, рассказала, что на прошлых выборах Корчагина получила 40% голосов, на листках писались всевозможные ругательства. Будь хоть 2% — это не играет роли. Выдвинутые личности все равно пройдут в Верховный Совет.

Везде и повсюду тот же camouflage[4].

А сейчас больше, чем когда-либо, т.к. настроение народа известно. Ко мне недавно зашли два юноши, военные курсанты школы НКВД, агитаторы. Но вид моих книг, вероятно, произвел впечатление, и они мне на слово поверили, что я все, что касается выборов, очень хорошо знаю.

Есенин мог сказать:

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне»[5].

А я тихо прошла мимо жизни, я только смотрела на нее, как сквозь решетку парка. Помню решетку Люксембургского сада[6] вечером, когда вдали за деревьями горят огоньки окон. Всегда закрытые сады производили на меня мистическое впечатление. Где-то там далеко за решеткой какая-то таинственная, неведомая жизнь, к которой я побоялась прикоснуться. Не смогла. Не тот темперамент. И кончаю ее в тюрьме. Как я молюсь каждое утро! Не могу больше видеть этой безобразной жизни замученного народа.